

18+

ОЛЬГА ЛОМАКИНА

КТО ЗДЕСЬ?

СБОРНИК РАССКАЗОВ



Ольга Ломакина

Кто здесь? Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65632221

ISBN 9785005392947

Аннотация

Женский взгляд на смысл жизни.— Любовь— Смерть— и другие экзистенциальные данности.«Мы способны видеть в окружающем мире только то, что есть в нас самих. Даже если это фантазии. Мозгу всё равно, реальное событие или нет. Он одинаково реагирует на грузовик, который несётся в лобовую, и на смертельную опасность, рождённую в голове. В обоих случаях человек пугается по-настоящему: тело мобилизуется, чтобы спастись, сердце стучит сильнее, ладони потеют» Книга содержит нецензурную брань.

Кто здесь?

Сборник рассказов

Ольга Ломакина

© Ольга Ломакина, 2021

ISBN 978-5-0053-9294-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник рассказов «Кто здесь?»

1

Кто здесь?

«Так странно, я думала, когда умру, то не буду ничего чувствовать», – Лиза сползла с кровати и как была, в клетчатой фланелевой пижаме, вышла во двор. Из распахнутого окна пряной волной прямо в сад лился вязкий приторный запах ландышей и успокоительного и смешивался с нежным ароматом первых цветов.

«Умирать не так уж и страшно: заснула и очнулась уже мёртвой, – Лиза опустила взгляд вниз, посмотрела на ноги и тут же сбросила пушистые тапочки: – Больше они мне не понадобятся». Она поспешила к калитке и, распахнув ее, покинула двор.

На третьи сутки блужданий по пустынному городу, Лизу накрыло беспокойство. Страх, червивым сгустком раздражал желудок. «Я начинаю разлагаться. А меня до сих пор не похоронили. Стоит найти морг и остаться там, с другими покойниками, пока за мной не придут». Ее босые ступни ощущали шершавость асфальта, спотыкалась о бордюры и чугунные люки. Её ноги покрылись запёкшейся кровью, уличной грязью, на пальцах сочились свежие ссадины, а в голове тревожными вихрями кружились обрывки воспоминаний:

Сперва подул пыльный ветер. Дерзким порывом он задрал вверх лёгкие юбки прохожих девушек. Лиза не успела опомниться, как тонкая шаль с шеи бросилась ей в лицо. Небо быстро стало серым и грузным. Совсем рядом сверкнула молния, и тут же улицу взорвал раскат грома. На головы разбегающихся людей полил сильный дождь.

– Сюда, идите сюда. Скорее, прячьтесь! – Молодой мужчина, потянул оцепеневшую Лизу за рукав курточки. В гулком переходе, насквозь мокрая, со стучащими зубами, она пыталась поблагодарить незнакомца:

– С-спас-си-бо, – улыбнулась посиневшими от холода губами. Мужчина снял пиджак и накинул на ее узкие дрожащие плечи.

Потом они называли ту встречу первым свиданием. Самым удачным в их жизни. За первым последовали другие свидания, затем решились и съехались. Были целые недели,

когда они не ссорились, а любили друг друга, но большая часть их совместного бытия состояла из ругани, взаимных обвинений и терпких обид.

– Дело не во мне, это ты стреляешь холостыми! – После очередного визита к врачу, Лиза рыдала и отказывалась соглашаться с реальностью, в которой у них не может быть детей.

– Но ты же слышала. Я тут ни при чём, – он всегда пытался оправдаться, а потом отмахивался и уходил в другую комнату. После вереницы изматывающих ссор и походов к дорогим специалистам, он снова закрылся в комнате. Вернулся оттуда с чемоданом и исчез навсегда.

В одиночестве Лиза прекратила плакать. Стала бестелесной и аморфной. Она не ходила и не летала, а ползала по дому, иногда тихо скулила и до крови обкусывала ногти. Как-то тёплым весенним вечером, когда в саду расцвели душистые ландыши, ей стало лучше. Лиза приняла душ, смыла с волос липкий кислый пот, надела любимую фланелевую пижаму, легла на кровать и умерла.

Город был погружен в предрассветный сумрак, когда первые прохожие наткнулись на истощенную, с белой, отливающей синевой кожей, босую женщину в пижаме. Их пугали её остекленевшие, мёртвые глаза и глухое невнятное бормотание. Люди косились, шептались, сторонились и быстро шли дальше.

На тротуаре старый дворник усердно орудовал метлой, выскребал из щелей прошлогодние листья, насвистывал в усы что-то по-весеннему лёгкое, но заметив худую, босую женщину с окровавленными ступнями и потухшим взглядом, он замер.

– Девушка, стойте, – старику не составило труда догнать несчастную. – С вами всё хорошо? Ай, я дурень, видно же, что всё плохо! – Он аккуратно, боясь испугать, взял незнакомку за костлявые плечи и повёл в дворницкую. Она послушно подчинилась, шла, не видя, препятствий на пути, сбивала об них ноги, словно слепая.

Дворник усадил одеревенелую гостью в кресло, предложил чаю, накрыл пледом и набрал номер скорой помощи.

Молодой врач вколол незнакомке какой-то препарат и начал расспрашивать растерянного дворника:

– Вы уверены, что она считает себя трупом?

– Хм, не то чтобы наверняка, но слышал как она бормотала: я гнию, мне нужно в морг, там меня найдут и похоронят.

– Очень интересно, – доктор почесал затылок.

– Бедняжка, такая худая. Как вовремя я её нашёл. Пытался накормить, но она отказывается от еды и даже воды. По моему, она вообще не понимает, что такое еда, – Старик глубоко вздохнул и шумно выдохнул, – доктор, как вы думаете, она сошла с ума?

– Смотря что считать сумасшествием. Норма и патология – такие условности. Чего не проделывает психика, чтобы

адаптироваться к окружающей действительности. Возможно с этой женщиной случилось что-то плохое, с чем она не справилась.

– Бедная. Это лечится?

– Не знаю, возможно. Нужно понять что с ней, прежде чем лечить. Сейчас мы отвезем ее в больницу, там специалисты посмотрят. Соберут анализы, понаблюдают. Вы ей кто? Документы у нее есть? – Приятный врач всё время что-то записывал.

– Я её отец, – внезапно соврал старик и с нежной грустью посмотрел на кровать, где мирно спала измождённая женщина. – А документов нет при ней. – и заметив настороженный взгляд врача, поспешно добавил: – Можно, я завтра приду? Если она будет в себе, спрошу, где документы и принесу?

Скорая забрала незнакомку и уехала. Дворник терзался приступами сомнений: «Зачем я соврал, что отец. Её записали под моей фамилией. А если у неё есть родные? – Потом отходил, и снова думал: – Такие родные – не родные. Бросили девочку. Это что же она почти голая, босая бродит по улицам, а её никто не хватился? Не нужны нам такие родственники!»

За больничным окном кружили стаи громких птиц. Солнце усиливало невнятный цвет новой побелки. От стен сильно несло свежей краской. Запах был такой плотный и навязчивый, что Лиза почувствовала его желудком. Она от-

крыла глаза и сразу закрыла. Непривычно смотреть на живой мир. Рот стянуло вязкой слюной – липкая, трудно глотать. В голове метались беспокойные мысли. Лиза вспоминала нескончаемые часы, проведенные на улице. Переживание своей смерти и запах трупного разложения исходящий от ее тела. Она помнила, как не ощущала себя: ни боли, вообще ничего; а теперь ступни горели, будто их пронзали тысячи горячих иголок. Снова приоткрыла глаза. На тумбочке стояла бутылка с водой. Неуверенно, всё ещё чужими руками, Лиза дотянулась до неё и открутила крышечку.

– О, вы пьёте, значит воскресли. Мои поздравления, это чудо. – Лиза услышала молодой, веселый голос.

– Кто здесь? – пытаюсь соотнести прошлую реальность с настоящей, она щурилась, подслеповато всматривалась в приятное лицо врача.

– Все ощущения пока не вернулась, ориентация в пространстве налаживается, – он присел на кровать. – Что вы помните?

Лиза молчала и хмурилась.

– Вы в больнице, всё будет хорошо. То что с вами случилось – синдром Котара, редкая зараза, но не думайте об этом, лучше отдыхайте.

– Я помню, как умерла, – после долгой паузы прошептала Лиза. Её мысли остановились. Она знала, что уже вот так лежала в постели, только вокруг сильно пахло ландышами, а не свежей краской. Она вдруг испугалась чуждого и незна-

когого нового мира, в котором ожила. Потёрла впавшие глаза и тихо заплакала от одиночества, от тревоги о своей новой жизни, в которой ей придётся заново осваиваться.

В палату вошёл улыбающийся старик. В одной руке он держал коробку, – и Лиза сразу подумала почему-то, что там пироги с капустой, – а в другой пакет.

– Вот, нашёл на улице. Я их постирал и высушил. Держи, родная, они тебе ещё понадобятся, – и протянул заплаканной Лизе пару пушистых комнатных тапочек.

2

Как в кино

Летом утро наступает раньше, чем находятся силы открыть глаза. Босиком, в мятой ночнушке, Зоя вяло шаркала на кухню. Под ногами крутилась трёхцветная кошка.

– Сейчас, Сима, я тебя накормлю.

– Мя-ау-ау, – орала кошка и тёрлась о голые щиколотки сонной хозяйки.

В ящике стола, рядом с пустыми пакетами и пробками от вина, Зоя нашла пакетик кошачьего корма.

– Последний. Пойду в магазин, иначе начнём голодать. – Она открыла холодильник. Там лежала сморщенная половина луковицы, затянутая пищевой плёнкой и бутылка тёмно-фиолетового Мерло. – Раньше мы были для любви. Сейчас брошены. Ну почему?! – Внутри Зои громко булькнуло. Раскатисто заурчал живот. Она прислушалась и вздохнула: – Ведь всё было хорошо: милые свидания, свадьба на берегу

моря, уютная квартирка в подарок от родителей, он на любимой работе, а я слежу за собой и домом. Ну почему он ушёл? – Зоя села на пол и зычно завопила. Кошка испуганно прыгнула за холодильник. Истошные завывания сменились плачем. Через несколько минут Зоя затихла. Веки опухли и пощипывали от слез: – Тебя тогда ещё не было, когда папа бросил мою мамочку, – Зоя заговорила с перепуганной кошкой. – Перед уходом он мне сказал: запомни Зоя, женщина должна за собой следить, быть подтянутой, вести здоровый образ жизни, всегда с причёской с хорошей кожей и самое главное – радоваться мужу! – из-под отёкших век снова полились слёзы. – Я скучаю по Марку. Сама не справляюсь, – голос стал капризно-ноющим, – смотри, Сима, во что мы превратились, – она окинула себя взглядом: обкусанные ногти, сухая шелушащаяся кожа, давно нестираная одежда, на больших пальцах ног остатки красного лака. – Ладно, не кричи. – Зоя успокоила надрывно мяукающую кошку и высыпала корм в миску. Сима жадно принялась за еду. – Ешь, киса. Мама ходит за покупками.

Утреннее солнце ударило по глазам. Она шарахнулась и полезла в сумочку за очками: «Так-то лучше». Осмотрелась. За месяц домашнего заточения, на улице многое изменилось: чёрно-рыжие газоны густо зазеленели, на клумбах буйствовали краски и жужжали насекомые. Деревья обзавелись густыми кронами. Прохожие девицы сверкали белоснежными коленями, детвора уплетала мороженое. «Ка-

жется, что он ушёл вчера», – Зоя сняла замшевый пиджак и повесила на руку.

Супермаркет находился совсем рядом – детский сад, школа, уютный сквер и кинотеатр. Глядя на его афиши, Зоя прерывисто всхлипнула, еле удержалась от истерики: старый плакат висел нетронутым, фильм ещё был в прокате. Этот последнее кино, которое они смотрели вместе. Марк тогда сидел ровно и неподвижно, ел свой попкорн и ни разу не обнял её за плечи, как раньше. В ресторане за углом, после прекрасного ужина он сказал, что уходит и не станет объяснять почему. Оплатил счёт, чмокнул Зою в ватно-белый лоб и ушёл.

Не осознавая как, с помутившимся взглядом, Зоя дошла до магазина. Беспорядочно сгребала с полок всё, что попало под руку: курицу, свиные уши, детские творожки, мыло, вантуз, корм для щенков. Она пришла себя, когда ощутила, что коченеет ладонь. Разжала ледяные пальцы. Пачкапельменей упала в тележку. «Какой кошмар. Нужно это вернуть и взять необходимое». Зоя развернулась. Начала круг в обратную сторону. По мере того, как она снова проходила полки, вспоминала, что здесь взяла вантуз, а там корм для щенков. Поменяла его на шесть упаковок кошачьего.

Справившись с покупками, Зоя покинула равнодушный супермаркет и вдохнула июньский, щемящий тоской воздух. С небольшим, но полным пакетом направилась к кинотеатру. Крепкое каменное здание занимало часть мощёной пло-

щади в старом городе. Кинотеатр украшали выгибающиеся арки. Зоя зашла в одну из них, где светилась надпись «касса» и «расписание сеансов». Фильм начинался через двадцать минут.

В одной руке большое ведро попкорна, в другой пакет с продуктами и пиджак – она села на первый ряд, заняла два места в центре. Они с Марком всегда выбирали эти места, чтобы можно было свободно вытянуть ноги. Зоя села и положила вещи на соседнее кресло. Пятнадцать минут рекламы и наконец, титры и знакомый саундтрек. Первый кадр. Руки дрогнули, и Зоя не удержала ведро. Попкорн усеял чёрный пол.

На экране была Зоина кухня, её плита и её муж.

В сковородке для оладий трещало масло. Марк разливал тесто в формы.

– Привет, милый. Как спалось? – В коротенькой кружевной рубашке, едва прикрывающей голые ягодички, Зоя вышла на кухню и чмокнула мужа в небритую щёку.

– Не успел поспать, ночью говорил с китайцами. Чуть не сорвалась сделка. – Он подмигнул сонной Зое. – Зато освободилось время для завтрака.

Марк сервировал стол как на праздник: салфетки под тарелками, приборы, жёлтый сок в хрустале, гора золотистых оладушков по центру, и белая роза в узкой вазе.

Зоя вяло ковыряла пышное, горячее тесто.

– Не нравится? – Улыбка стекла с его лица.

– Я на безглютеновой диете. Забыл?

– Забей. Раз в год можно позволить роскошь – завтрак от любимого мужа! – Марк положил себе ещё один оладушек и густо полил его сиропом.

Зоя на экране брезгливо сморщила нос.

Зоя в зале оцепенела и не мигая таращилась на экран.

– Собирайся быстрее, милый. Начало через сорок минут. – Нарядная Зоя выбирала туфли к маленькому чёрному платью.

– Я скоро! – Марк включил наушник и продолжил разговор по телефону.

– Ты ещё не переоделся? Быстрее! – Она сквозь зубы прошипела: «у него только дела на уме» и силой швырнула в стену замшевую туфлю.

Левой рукой Зоя нащупала пакет из супермаркета. Пошарила и нашла мягкую упаковку мороженого. Впопыхах разорвала бумагу и впилась губами в приторно-сладкую, липкую мякоть. На экране говорили:

– Милая, у меня важная встреча. Задержусь. С меня подарок. Целую. – Марк оборвал разговор.

– А хули? Одиннадцать вечера! – Заорала в немой телефон Зоя. Пнула пуф и полезла в холодильник за бутылкой «шираза».

Она проснулась от ворсистого и тёплого прикосновения к щеке. «Шуба!» – пронеслось в полупьяном сознании.

– Смотри, кто у нас теперь есть! – Растёкшийся как масло

Марк, совал ей в лицо трёхцветного котёнка.

– М-м-м... Уйди, дай поспать! – Зоя натянула подушку на голову. После бутылки вина страшно болела голова.

– Мама с утра злока, – сюсюкал с котенком Марк.

Через несколько часов Зоя смогла расклеить отёкшие веки. Голова раскалывалась. Марк раскачивался в плетёном кресле, на его груди свернулся котёнок.

Зоя в зале вжалась в сиденье.

– Милый, я понимаю, что с кондачка такие разговоры не начинают. Но этот кот не вовремя.

– Это кошка. Пусть будет Симой, – он погладил животное.

– Не важно. Я не хочу детей. – Зоя упала на диван. – Никогда. Женщины после родов толстеют, растяжки, обвисшая грудь. Я не хочу. Ты меня разлюбишь, если я изменюсь.

– Что ты такое говоришь?!

– Я уверена.

На улице стемнело. Сквозь туман сновали мутноглазые автомобили. От кинотеатра до её квартирки всего один квартал, десять минут. Зое показалось, что она шла месяц. Несла домой неподъёмный пакет с едой для себя и кошки. Теперь она точно знала – Марк не вернётся. Нужно учиться жить заново.

3

Лаванда

Возле городского крематория всегда многолюдно. Бывает, ритуальные процессии идут конвейером, особенно летом.

Не всякое сердце выдерживает вязкую, тугую жару июльско-го воздуха.

В этот раз катафалков особенно много. Если двинуться от крематория дальше, к крохотной церквушке, а за ней – к стенам колумбария, то можно увидеть его – аккуратного мужчину с густой сединой и безжизненными серыми глазами. Он приходит к стене раз в неделю, по пятницам. Сегодня понедельник, второе июля. День рождения жены – первый, который пожилой человек встречает без неё в тоскливом, душном одиночестве.

– С праздником, любимая, – он поставил в крохотную вазу фиолетовый букетик. – На ужин как ты любишь – картофельный graten. Сказала бы, что это просто картошка со сливками и сыром, я бы так не мучился. Искал рецепт, где только мог. Нашёл простой, но хороший. Приготовлю картофель с золотистой корочкой. Ты оценишь. Кстати, в саду расцвела лаванда. Я тебе принёс. Из-за неё не смог спать: зверски пахнет. Даже зарытые окна не спасают. Пока крутился, пытался уснуть, вспомнил наше первое свидание. Помнишь? Я пришёл с тремя длинными розами. Так гордился собой. Всю стипендию на них потратил. А ты, оказывается, всегда любила эти мелкие фиолетовые цветочки с невыносимым запахом.

По кладбищу, мимо стены с урнами проходили люди: закончилась очередная панихида. Мужчина замолк. Долго смотрел на чёрные спины, выпроваживал толпу застывшим

взглядом. Невысокая женщина отделилась от траурной вереницы и остановилась у колумбария. Удивлённо воскликнула и стала вслух читать имена умерших и даты их смерти. Мужчина суетливо озирался, хмурился, то и дело поглядывал на портрет жены, выгравированный на антрацитовый плите. Наконец выпрямился и негромко обратился к дерзкой гостье:

– Вам помочь? – несколько раз одёрнул полу пиджака. Женщина смешно взвизгнула и подпрыгнула.

– Ой! Простите, не заметила, что тут кто-то есть. Мне всегда жутковато в подобных местах, – она поправила короткие растрепанные волосы и с интересом развернулась к собеседнику. – Я впервые в крематории и первый раз вижу кладбище, где урны с пеплом складывают в ячейки в стене. Извините, если болтаю лишнее или раню ваши чувства. Я немного растеряна.

– Соболезную, – он кивнул женщине.

– Ерунда. Со мной всё в порядке. В смысле, умер коллега. Но ему было за восемьдесят. Старший научный сотрудник. Самый старший, – она улыбнулась. Глянула на бледного мужчину и мигом посерьёзнела. Поспешно прикрыла рот ладонью. – Ох, простите. Мы в таком месте, а я болтаю без остановки и язвлю. Нехорошо. Ещё раз, простите меня. А вы кого потеряли? – Не дожидаясь ответа, незнакомка пересекла тропинку из гравия, и подошла к мужчине. Он на секунду замер и попятился к портрету.

– О-о, какая красивая: Рита Коляда, – прочитала вслух женщина. – Это ваша жена? Ну конечно! «А я Соня Санина», – она протянула розовую узкую ладонь навстречу оцепеневшему.

– Я не могу! – Он резко развернулся и направился прочь.

– Прости-ите. Не хотела вас обидеть! – крикнула она вслед. Ухватила руками за лицо и села на бордюр, шумно вздохнула: «Господи, какая же я дура. Совсем разучилась общаться с людьми. Какой кошмар. Кошмар!» – нашарила в кармане баночку с таблетками, открутила крышку, выпила одну. Тоскливо глянула на пустую дорожку и проглотила ещё таблетку.

На тропинке зашуршал гравий. Санина опустила руки и подняла голову. Мужчина вернулся. С пунцовым лицом под белоснежными волнами волос, быстро подошёл, протянул руку:

– Марк. Марк Коляда, – резко выдернул пальцы из холодной ладони Сони и снова поспешил уйти.

– Приятно познакомиться, Марк! – Соня встала, поправила мятую юбку и медленно, слегка покачиваясь, побрела вдоль стены колумбария с каменными портретами. – Мне не стоило пить вторую таблетку. А вам не стоило умирать, – бормотала она.

К вечеру горячие летние запахи сгустились и смешались. Марк с неохотой вдыхал приторный воздух. Не спеша, вынес

из сарая в сад ротанговый столик и два кресла. Протёр их от густой пыли. Сбегал в дом, поставил на стол блюдо с гра-
тенном, запотевшую бутылку белого вина и два бокала.

Из распахнутой двери гостиной бубнил голос диктора новостей. Марк не переносил тишину. Он наполнил бокалы, отхлебнул из одного: «за тебя, любимая, будь там счастлива». В саду застрекотали сверчки. Женский голос с экрана монотонно вещал: «Сегодня открылась выставка художницы Сони Саниной, „Время. Надежда. Любовь“. Она посвящена вечным темам – смерти и жизни. Соня потеряла семью в автомобильной катастрофе. Погибли сын и муж художницы, ей чудом удалось выжить. Экспозиция посвящена близким людям и всем тем, кто столкнулся с горем от потери любимых. Соня пишет светлые, вдохновляющие картины, из которых льётся любовь к жизни и надежда на будущее». Остаток вечера Марк просидел в тишине. Наедине с неожиданными, волнующими и пугающими мыслями о странной женщине с короткими, мило растрёпанными волосами. От них ускорялся сердечный ритм и приятно щекотало в паху. Марк цедил вино наедине с неожиданными, пугающими мыслями. Только шелестящие и щебечущие звуки из сада напоминали, что он жив, и мир вокруг тоже.

Медленно, робея и озираясь по сторонам, Марк вошёл в галерею. Фантазии о Соне, тепло внизу живота, возникающее каждый раз при воспоминании о ней, пугали и соблаз-

няли: чуть больше года прошло со смерти жены, разве можно пускать в сердце ещё кого-то?

Затаив дыхание, он рассматривал картины. Вдруг поперхнулся и замер.

– Это невозможно! – Губы задрожали. Марк впился глазами в портрет улыбающейся жены. Девственно-белый фон, нежные пастельные тона, голубоватая дымка вокруг и крупные солнечные блики оживляли любимое лицо.

– О, Марк Коляда! Рада, что вы зашли. Вернее – это чудо, что вы зашли. Я так рада! – Соня подошла сзади. Марк резко развернулся. Он чувствовал пощипывание в носу, глаза наполнились влагой, кожа на скулах натянулась:

– Это, это... – Он задыхался.

– Это ваша Рита. Надеюсь, вы не решите, что я сумасшедшая. Даже если так. Я больше не уверена, что нормальная. Но тогда у стены, я увидела вашу любовь. Свет первой встречи и жизни вместе. Он был везде, в вас, вокруг того мрачного места, в чёрном каменном портрете, он сиял даже в букетике лаванды. Не смогла забыть этот образ. Простите, что не спросила разрешения, – художница неловко одёрнула лёгкую белую блузу. – Что ж это я перед вами всё время извиняюсь? Странно выходит. Знаете, а ведь я ей даже завидую, вашей Рите. – Соня смотрела на светлый, живущий портрет Риты и на бледного Марка. Водила взглядом и растеряно улыбалась.

– Это прекрасно! – Марк шумно и протяжно выдох-

нул. – Спасибо, Соня. – Он, засуетился, вынул из-за пазухи небольшой сине-фиолетовый букетик с едким пряным ароматом. – Много в саду расцвело. Она бойкая, жадно хватается за жизнь. Очень сильная, не даст о себе забыть. Гляжу на лаванду и верю, что скоро станет легче. – Марк протянул Соне цветы, перетянутые золотистой лентой. – С открытием выставки вас.

4

Табу

Мартовский снег падал густо, чтобы никто не подумал, что зима скупая старуха. За ночь навалило с избытком.

Лея нашла свою машину по писку сигнализации: «Вот ты где, малышка. Потерпи, сейчас я тебя освобожу». Активно орудуя щёткой, Лея смела снег с лобового стекла и капота. Вспотела, зато не замерзла: на улице всё потрескивало от мороза. Зашла справа, и уронила веник. Между машинами, густо присыпанная снегом, стояла пара женских сапог и кожаный саквояж. «Ничего себе!» – Лея осмотрелась по сторонам в поисках босой женщины. Обошла все машины на парковке, прислушалась: на помощь не зовут, никто не выглядывает из-за угла. Она стряхнула снег с саквояжа, с треском расцепила зеленевший замок и выругалась: «Чёрт! Не может быть!» – Сумка до верха забита пачками денег. Лея ещё раз осмотрелась, но кроме ворон вокруг не было ни души.

Находки перекочевали в багажник ее красной «тойоты». До офиса Лея добралась быстро, даже не дослушала под-

каст о загадках мышления. «Спят они все что ли. Где машины, где пробки? Испугались снега и поехали на метро? Как мне сегодня везёт!» – радовалась она, паркуясь у заснеженного подъезда. Прежде чем выйти, она внимательно осмотрела находку: добротные кожаные сапоги, совсем новые, низкий каблук слегка поцарапан. Саквояж с известным логотипом, вместительный, крепкий. Внутри клад: двадцать пухлых денежных пачек, перевязанных резинками. Лея рассматривала находки и пугалась собственной фантазии: «За эти деньжищи кого-то убили, а потом убили убийцу, а убийца убийцы умер от радости». Между деньгами затесался ежедневник, исписанный именами людей с адресами и номерами телефонов, следующей находкой оказался резной крест из тёмного дерева. На грудь такой не повесишь, слишком большой. Подобные кресты Лея видела в фильмах, их там держат экзорцисты перед одержимыми, или возможно, распятие украшало келью аскета: тумба с библией, жёсткая кровать, а над изголовьем он.

«С детства мечтала найти кучу денег. Вот, мечта сбылась. Я не суеверна, но эти деньги жутко пахнут. Чёрт его знает, с чем в придачу они идут. Вдруг это проклятие?» – она поискала глазами маковку храма, чтоб перекреститься. Перекрестилась как смогла по памяти, на всякий случай добавила: «Чур меня. Не тронь злой дух». Сплюнула через левое плечо и постучала по деревянному кресту. Глубоко вздохнула и стала листать ежедневник: «Нужно найти хозяйку сапог

и вернуть деньги. Надеюсь, она жива».

Над белоснежным кладбищем кружила чёрная стая грачей. Смотритель со скрежетом сгребал лопатой сугробы между могилами. Ещё немного поработать и будет порядок. пройтись лопатой по дорожкам прямо до стены колумбария, по правую руку будет арочный проход. Повернуть под арку, и перейти с нового кладбища на старое. Затем налево, продвинуться вдоль гряды каменных склепов и покосившихся крестов. Там заканчивается кладбище, и начинается лес. Дикий, он смешался с забытыми могилами и кладбищенскими деревьями, которые посадили родственники покойных. Кто-то для красоты, чтобы живое дерево напоминало о бессмертной душе, а кое-кто верил, что после смерти человек продолжает жить, только в другом обличье – кусте или дереве.

В старую часть кладбища, смотритель трезвым не заходил. То ли от водки, то ли от возбуждения, – он слышал голоса. Иногда два, а бывало целый хор. Дойдя с лопатой до арки, он отхлебнул из чекушки, крякнул в рукав, закрутил пробку. Хотел спрятать бутылку в карман фуфайки, но промахнулся и она утонула в сугробе. «Мать божья!» – Смотритель неистово перекрестился. По старому кладбищу плелась вереница следов от босых ног. У склепа, под развесистой липой сидела полураздетая женщина. От арки трудно расслышать, что она говорит, ещё грачи разорались, но её рот двигается, а руки жестикулируют. Женщина спорит с невидимым себе-

седником.

– Эй! – Смотритель сложил ладони рупором, – Барышня, не чуди! Холодно! Иди сюда, я дам телогрейку. – Тишина. – Эй, помощь нужна? – Он подождал, трясущейся рукой нащупал в кармане телогрейки мобильный телефон.

Через двадцать минут над кладбищем завывла сирена скорой помощи.

– Ты чего ей не помог, не увел с мороза? Водки своей не налил? Девять утра, а ты в зюю! – полицейский отчитывал кладбищенского смотрителя, пока санитары укладывали смирную женщину на носилки и накрывали одеялами.

– Не знаю, – смотритель чесал затылок, – она с деревом говорила. Я всякое передумал. А вдруг она нежить?

– Ты в своём уме? – полицейский обмяк и рассмеялся. – Нежить! – Ты сколько лет на кладбище работаешь?

– Начальник, не смейся. Я разное видел. Но больше слышал. Они там между собой общаются. Деревья. Даже ругаются и песни поют.

– Говорящие деревья! – полицейский икал от смеха. – Ты ж из военных. В этот раз я не напишу, что ты пьяный на работе. Но благодари бога, что она не окоченела, пока ты заговоры от нежити читал. – Участковый хлопнул растерянного смотрителя по плечу, – Пить меньше нужно!

«Мне нужно было стать следователем», – гордая собой, Лея ехала в центр города, в кафе, где была назначена встреча

с дочкой хозяйки сапог и саквояжа. По контактам в блокноте она быстро вычислила родственницу, сообщила что нашла деньги, записную книжку, договорилась всё вернуть и уже везла находки.

В пустом кафе за столиком сидела девушка с уставшим, заплаканным лицом. Увидев Лею, она выскочила навстречу.

– Спасибо вам огромное, – дочка пропавшей сильно трясла холодную руку Леи.

– Не за что. С вашей мамой всё в порядке? – Лея протянула находки. – Тут всё, – она опустила глаза и покраснела. – Я заглянула внутрь сумки. Но благодаря этому нашла вас. По записи в блокноте, – от неловкости и необычности ситуации Лея стала кусать губу.

– Это не её деньги, – девушка села на стул и судорожно всхлипнула. – Мама давно в секте. Сначала продала свою квартиру, машину. Отнесла всё туда. А потом такие же слабоумные носили деньги ей. Она больна. Пока принимала таблетки, всё было хорошо. Но эта секта. Они там не лечатся. Не верят в болезни. Их святой дух исцеляет. Я никак не могу ей помочь. – Красные глаза девушки наполнились слезами. – Знаете, это счастье, что у неё случился приступ. Что она пошла на кладбище, там её заметили, нашли и теперь она в больнице под присмотром врачей. Ей там обязательно помогут. Ко мне вернётся мамочка.

– Хорошо, что всё хорошо кончается, даже если начинается страшно, – Лея попрощалась. Поплелась к машине.

От встречи на душе стало тоскливо. Захотелось домой под плед и хлебнуть рюмочку коньяка. Села за руль, потянулась включать подкаст о загадках мышления, который начала слушать утром, и чуть не выпрыгнула из машины. На сиденье рядом лежал резной крест из тёмного дерева: «Чёрт! Забыла отдать. Ладно, оставлю на память. А то через время не докажу себе, что такое могло случиться на самом деле».

5

«Брызги шампанского»

Пьяная Саша сидела на подоконнике задрюпанной студии и говорила со спящей на диване, голой подругой. Она криво растирала тушь под опухшим глазом, отхлёбывала из горлышка вино и всхлипывала: «Шлюха – нет, неправда! Я не продажная подстилка, я – муза! А ты – дешёвая шмара. Тварь, не прощу, что уговорила меня поехать на ту хату. – Саша скривилась, надула разбитые губы и писклявым голоском продолжила, – Санечка, выручай, наламываются хорошие деньги. Один заказик: молодняк хочет пару танцев и потрогать. Платят, как за три часа обычной работы. Быстренько справимся и поедем в Дубай валяться на пляже. Только Жорику не говори. Накажет за левак. – Саша приложила бутылку к распухающей скуле. – Сука ты, Эллка!»

На диване под голой Эллой растеклась чёрная лужа.

– Блять, Элла, подъём! Оплатишь мне химчистку. Давай, вали отсюда, – Саша пыталась растормошить подругу. Та пьяно мычала. – Ладно, проспийся, поговорим!

– М-м-ма-ма... – Элла повернулась на бок. На её огромных рыжих сосках сверкали розовые наклейки: сердечки с ободранными кисточками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.